

УДК 93/94+03.23

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КАТАКЛИЗМЫ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ

© Павел Петрович ЩЕРБИНИН

доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Привлечение первичных архивных документов провинциальных архивов, позволяющих оценить степень участия и общественную инициативу жителей городов Черноземного центра в период революции 1917 г., представляется актуальным. Приведены конкретные примеры и варианты развития событий в первые месяцы революционной волны в контексте развития системы городского самоуправления и формирования новых органов власти на местах. Уточнена активная роль учащих средних специальных учебных заведений в разоружении полиции и формировании общественных настроений в городах региона. Определен социальный и профессиональный статус представителей местного самоуправления нового революционного времени, взаимодействия и трения с комиссарами Временного правительства на местах. Выявлен стихийный и импульсивный характер формирования общественных настроений и представительства населения городов Центрального Черноземья в новых органах власти. Дана оценка причин роста социального напряжения и проблем повседневной жизни населения городов региона в период Первой мировой войны 1914–1918 гг., что в свою очередь способствовало быстрой и бескровной победе новой власти. Население городов Центрального Черноземья настолько устало от тягот военной повседневности и проблем с продовольствием, роста цен на жилье, наплывом беженцев, что известие о падении самодержавия вызвало надежды на перемены к лучшему. Выявлен важный фактор выжидательной тактики большинства населения региона в условиях революционных катаклизмов, что является вполне понятной реакцией на непонятные и скоротечные перемены привычного уклада и повседневной жизни средних городских слоев Черноземного Центра. Изучение темы выявило отсутствие внятной оппозиционной активности новому режиму. Монархические и черносотенные группы оказались не готовы к столь разительным переменам в провинциальном социуме, и их пассивность отражала общее паническое настроение сторонников старого режима. В то же время в регионе отсутствовали попытки расправ со сторонниками самодержавия, а негативные настроения выражались лишь в порче и уничтожении портретов императорской семьи и символов старой власти.

Ключевые слова: революционные события; общественная инициатива; местное самоуправление; исполнительные комитеты; Временное правительство; средние слои

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-100-108

К столетию революции 1917 г.

Внимание историков и общественности к революционным событиям 1917 г. определяется не столько приближающимся столетним юбилеем, сколько вполне очевидными потребностями поиска национальной идеи и социокультурной, партийно-политической, социально-правовой идентичности российской государственности и вектора цивилизационного развития. Удивительным является обращение не только к собственно событиям революционного времени, но и не прекращающийся поиск ответов на вопросы: «Кто виноват?», «Влияли ли внешние силы и финансовые потоки на революционные волны?», «Какова роль личности в крушении старого режима и строительстве новой госу-

дарственности?». К сожалению, историческая наука уже много десятилетий ищет ответы как правило в столичных городах региона, хотя провинциальные события отражали собственную, уникальную картину событий революционной эпохи. Рассматриваются отдельные аспекты общественной инициативы в городах Черноземного центра, которые, несмотря на типично аграрный характер развития регионов, имели особенности общественно-политической и социальной жизни. К Черноземному центру (Центральному Черноземью) историки традиционно относят население Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний.

Необходимо признать, что в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. население

городов Центрального Черноземья испытывало серьезные перегрузки и деформации в контексте снабжения продовольствием, притока беженцев, размещения тыловых гарнизонов и др.

Военная повседневность больше всего ударила по городским жителям, которые нередко не имели приусадебного хозяйства и других возможностей самообеспечения семьи продовольствием. Пользуясь наплывом в города большого количества призываемых на войну запасных нижних чинов и членов их семей, высоким спросом на продукты, многие лавочники мгновенно взвинтили цены [1]. Интересно, что разница в ценах на продукты в городе и селе в первые месяцы войны достигала трехкратной величины. Так, если на селе картофель стоил 20 коп. за меру, то в городах его цена достигала 60 коп. Как иронизировали журналисты, многие торговцы ввели на продукты «военные» цены, в т. ч. и на селедку [2]. Деревня вскоре не преминула ответить ростом цен на продукты, и подобное «соревнование цен» усугубляло положение всех россиян и россиянок тыловой России.

В городах быстро росла оплата жилья. В городах Тамбовской губернии цены на квартиры выросли на 50–80 % [3]. Кроме того, резко ухудшились санитарно-гигиенические условия проживания в городах. Многочисленные беженцы приносили с собой многочисленные инфекционные заболевания. Повсеместно отмечался рост заболеваемости туберкулезом, тифом, венерическими болезнями и т. п. Призыв медицинских работников на службу в армию также усугублял ситуацию с получением медицинской помощи для населения городов.

Горожане страдали и терпели, но социальное напряжение неуклонно нарастало. Известия о падении монархии явились полной неожиданностью для жителей региона, но они породили надежду на скорые перемены к лучшему при новой власти.

Фактически февральская революция 1917 г. была стихийным, внезапным обвалом, которого не ждал никто. События сразу же приобрели такой размах, что вышли из-под контроля и властей, и Государственной Думы. Стихийный взрыв колоссальной силы по сути дела свел на нет и попытки революционных организаций руководить им. Напро-

тив, развитие революционных событий в провинции, яркий всплеск инициативы широких слоев населения свидетельствуют о том, что произошла именно народная революция.

События в городах Черноземного центра протекали аналогично другим районам страны. Неуверенные попытки властей задержать сообщения о свержении самодержавия не увенчались успехом. Местные гарнизоны послушно перешли на сторону новой власти. Повсеместно разоружались полиция и жандармы. Таким образом, революционные события в регионе проявились прежде всего в сломе военно-полицейского аппарата и структур управления вплоть до уездного уровня.

Главной задачей победившего народа стало формирование органов власти и надежда на решение наболевших проблем со снабжением продовольствия и пр.

Как и в период первой российской революции 1905–1907 гг. самой активной категорией городского населения, принявшей участие в общественном движении в городах региона в мартовские дни 1917 г., стала учащаяся молодежь. Известие о свержении самодержавия вызвало восторг и ликование в среде учащейся молодежи с ее пылкими идеалами свободы и демократии. Среди участников митингов и демонстраций первых дней революции большую часть составляли учащиеся средних учебных заведений. В г. Павловск Воронежской губернии именно молодежь являлась инициатором первых манифестаций [4]. Чаще всего ученики несли транспаранты с лозунгами: «Да здравствует свобода и равенство», «Да здравствует демократическая школа» и т. п.

Важнейшим для себя делом учащиеся считали разоружение полиции и формирование народной милиции. Разоружение полиции чаще всего осуществлялось учениками старших классов и студентами [5]. В Воронеже с 4 марта 1917 г. на постах вместо «городовых стояли и расхаживали лица из добровольной милиции, среди которых студенты и совсем еще простые гимназисты, реалисты» [6]. В Богучаре Воронежской губернии местная милиция также состояла главным образом из учащихся [7, оп. 1, д. 441, л. 60].

В Курске новыми властями вначале было принято решение оставить городовых, но

уже в звании милиционеров. Однако недовольство населения вынудило исполнительный комитет призвать население записываться в милицию. На этот призыв откликнулась только учащаяся молодежь в лице студентов, землемеров и др. Они и охраняли спокойствие горожан в первые дни революции [8].

Необходимо учитывать, что общественная инициатива населения в некоторых городах региона почти не проявлялась. Даже спустя несколько недель после получения сообщения о падении монархии прежний ритм жизни в ряде уездных центров мало изменился. По сообщению «Курского края», уездный Фатеж спит беспробудным сном. Там еще смутно представляют о свершившихся событиях [9]. Один из жителей Болхова так описывал жизнь в своем городе в начале марта 1917 г.: «Город наш медвежий угол. Поэтому все события, которые так волновали и продолжают волновать Россию, у нас проходят почти незаметно, движение на улицах как и раньше... Спокойное отношение к событиям» [10].

В городах региона проявлялись и анархистские настроения, не получившие впрочем широкого распространения. Земский начальник Елатомского уезда Тамбовской губернии сообщал 12 марта 1917 г. о настроении жителей города и уезда: «...многие еще не совсем разобрались с тем переворотом, который произошел <...> Понимают этот перелом в том смысле, что «теперь все могут делать что хотят» [11, оп. 1, д. 19, л. 61]. Вполне типичной для горожан была «чистка» учреждений, т. е. уничтожение портретов царствующих особ, символов прежней власти и др. [12].

Примечательно, что источники почти не сохранили свидетельств об отрицательном отношении жителей городов к революционным событиям 1917 г. Лидеры черносотенцев и члены монархических организаций поспешили отмежеваться от своих прежних взглядов и убеждений. Полиция и стражники заявили о своей лояльности служить новому режиму или подверглись арестам. Февральско-мартовские события не выявили организованной оппозиции новому режиму. Отмечались лишь отдельные попытки представителей офицерского корпуса в некоторых городах Черноземного центра противодейство-

вать переменам, которые были пресечены в самом начале солдатами местных гарнизонов. Так было в Кирсанове, где солдаты арестовали 5 марта 1917 г. ненавистных офицеров, обезоружили полицию, уничтожили документы канцелярии пристава. В своих действиях они опирались на поддержку местного населения [11, оп. 1, д. 19, л. 106].

В воспоминаниях Н. Симовских о февральских днях 1917 г. в Курске указывается, что известие о революции было встречено служащими сдержанно, а в ряде случаев отрицательно [13, с. 32]. Конечно же, многие городские обыватели заняли выжидательную позицию в отношении новой власти, что вполне объяснимо нормальной реакцией человека на непонятные и неожиданные перемены в своей жизни и жизни страны.

Свержение самодержавия выдвинуло на первый план задачу формирования новых органов власти на местах. Одним из важнейших элементов новых структур управления Временное правительство считало институт Комиссаров Временного правительства. 5 марта 1917 г. князь Львов издал телеграфное распоряжение о назначении председателей земских управ Комиссарами Временного правительства. Однако к моменту издания распоряжения Временного правительства о назначении Комиссаров многие председатели земских управ настолько скомпрометировали себя, что назначение их комиссарами воспринималось как издевательство над революцией. В первые же дни в провинции началось противоборство демократических органов власти с «чуждыми» комиссарами Временного правительства. Негативное отношение к комиссарам нередко выливалось в открытое смещение, арест. В марте 1917 г. арестам подвергались председатели земских управ в Курской и Орловской губерниях [14, с. 60].

Среди населения стихийно формировалось иное представление об организации местной власти. Все более широкое распространение получал принцип избрания всех без исключения должностных лиц. В Липецке уездный комиссар М.М. Трунцевский заявил 18 марта 1917 г. на заседании уездного исполнительного комитета, что «комиссары должны быть не только назначаемы, но избираемы от комитетов» и предложил провес-

ти голосование по своей кандидатуре [11, оп. 1, д. 23, л. 65].

В Козлове Тамбовской губернии бурные протесты вызвало назначение уездным комиссаром председателя земской управы Давыдова. На многочисленных собраниях и митингах принимались резолюции с выражением недоверия не только председателю, но и всему составу земской управы. Сам уездный комиссар в телеграмме губернскому от 10 марта 1917 г. сообщал: «Затрудняюсь занимать должность комиссара без выборов местного общества ... Прошу освободить меня от обязанностей» [11, оп. 1, д. 37, л. 27, 67, 68].

Кроме того, исполнительные комитеты принимали решения и о создании органов, контролирующих действия уездных комиссаров. Так, в г. Елец 18 марта при уездном комиссаре был учрежден Совет с правом решающего голоса из представителей уездного комитета, гарнизона и т. п. [15]. Козловский городской исполнительный комитет в начале марта объявил себя единственным носителем административной власти, а 23 марта 1917 г. на заседании исполкома были проведены выборы «особого городского комиссара» Ишеева [11, оп. 1, д. 9, л. 23].

Противостояние между исполкомами и комиссарами Временного правительства в большинстве случаев завершалось в пользу исполкомов, которые справедливо считали себя главным звеном местного управления. Фактически исполнительные комитеты сыграли решающую роль в преобразованиях городов российской провинции. Большинство этих комитетов представляли из себя сгусток, концентрацию демократизма и инициативы широких слоев городского населения, вобравшие в себя все сильные и слабые стороны общественного развития «медового» месяца революции 1917 г.

Как справедливо заметил Г.А. Герасименко, по своей массовости и универсальности с общественными исполнительными комитетами тогда не мог сравниться ни один общественно-политический институт. В своей быстротечной жизни комитеты переживали крутой подъем весной 1917 г., резкий спад к июню и полосу медленного умирания в июле–августе 1917 г. [16].

Не случайно современники считали исполнительные комитеты вершиной револю-

ционного правового творчества масс. Исполнительный комитет в г. Курск, сообщала «Курская быль», «нечто вроде временного коалиционного правительства, имеющего представительство всех течений...» [17].

По оценкам «Воронежского телеграфа», заседания Воронежского временного комитета объединенных общественных организаций являлись как бы заседанием «маленького парламента» [18], рассматривающего себя «как временный высший орган административной власти г. Воронеж» [19, оп. 2, д. 90, л. 39]. И.Д. Смирнов указывает, что исполнительный комитет в г. Воронеж «проявил большую работоспособность и административную деятельность <...> Был чувствительным аппаратом для определения настроения общества; он улавливал, переживал, оформлял и давал естественный выход и разрешение чаяниям всего населения». Комитет имел чрезвычайно расширенные полномочия, полноту власти, являясь «и следственным, и судебным, и административным, и хозяйственным органом». В комитет шли за всем, «уверенные, что он все должен сделать для народа» [7, оп. 1, д. 491, л. 15-16].

Необходимо учитывать, что городские исполнительные комитеты носили самые разные названия: городской общественный комитет, комитет общественной безопасности, временный общественный распорядительный комитет, временный исполнительный комитет, обывательский комитет и т. п. В целом, три четверти городов региона в марте 1917 г. имели исполнительные комитеты. О практике создания городских исполнительных комитетов красноречиво свидетельствует телеграмма из г. Воронежа в МВД: «...По всей губернии стали возникать комитеты, создаваемые на самых разных основаниях, и попытки губернского исполнительного комитета направить по возможности их деятельность в одно русло не привели к положительному результату. У большинства местных комитетов наблюдается стремление к абсолютной независимости и представление о том, что им принадлежит вся полнота власти» [19, оп. 1, д. 90, л. 34].

Формирование исполнительных комитетов отличалось быстротечностью и в то же время продолжалось в течение нескольких недель по мере выборов представителей от общественных групп и организаций. Можно

выделить несколько способов организации комитетов. Инициатива их создания исходила либо от группы лиц или представителей местного самоуправления согласно распоряжению Временного правительства, либо по примеру или образцу соседнего города, губернского центра, либо являлась инициативой части городского населения по организации новой власти. Конечно, имели место и чисто формальные объединения, которые лишь номинально, называясь исполнительными комитетами, реально составляя власть в прежних руках. Так, в г. Фатеж местный исправник и городская полиция и в середине марта сохраняли свои позиции, а исправник даже вошел в состав исполнительного комитета [8]. Конечно, в подобных случаях говорить о проявлении народовластия или демократизме не приходится. Однако такая организация комитетов «сверху» встречалась редко, в остальных же случаях возникновение комитетов было связано с инициативой различных категорий населения.

Отмечались и случаи, когда отдельные категории горожан, чаще всего земские служащие, с первых дней после отречения Николая II выступали за демократизацию новых органов власти. Так, 14 марта 1917 г. служащие земства и правительственных учреждений города Спасска направили телеграмму губернскому комиссару с просьбой назначить выборы в городской общественный комитет не по куриям, а от всего населения всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Авторы телеграммы отмечали, что городское самоуправление и так контролируется крупными промышленниками и торговцами, которые желают лишь упрочить свое положение, предлагая ввести в самоуправление дополнительное представительство торговцев и т. п. [11, оп. 1, д. 26, л. 42].

В городах Воронежской губернии в состав комитетов вошли представители всех групп населения, избранные общественными собраниями уполномочивших их лиц, причем местами выборы произведены применением четырехчленной формулы, – сообщалось в телеграмме в МВД [19, оп. 2, д. 90, л. 30].

В некоторых городах оформление городских комитетов задерживалось из-за растерянности местного самоуправления или слабости демократических сил. В Землянске, по воспоминаниям очевидцев, не было к началу

революции учебных заведений и «не нашлось сил устроить уездный комитет». Только 12 марта 1917 г. уездный комиссар пригласил в него по одному представителю от кооперативов, купцов, духовенства и городского старосту [7, оп. 1, д. 491, л. 65].

Таким образом, городские исполнительные комитеты в марте 1917 г. представляли собой серьезную политическую силу. Не успев стать чисто бюрократическими органами, подобные организации в значительной степени содействовали демократизации местной жизни.

На наш взгляд, при анализе деятельности исполнительных комитетов необходимо учитывать важнейший фактор их формирования – социальную среду. В условиях преобладания средних слоев в городах Черноземного центра, новые органы власти неизбежно должны были представлять интересы этих слоев населения, наполняться ими. Исполкомы, конечно, несли на себе отпечаток старого строя в виде представительства членов городских дум, управ и т. п., но их общественное лицо определяло прежде всего наличие в составе исполкомов демократических элементов. Да и само формирование новых органов власти выгодно отличалось от назначений, например, уездных комиссаров Временного правительства.

Анализ социального и профессионального состава городских исполнительных комитетов в городах Черноземного центра в марте 1917 г. выявил примечательную картину. Выборка была затруднена тем, что во многих источниках просто указывается на представительство в исполкомах «почти всех классов населения» и т. п. Нами взяты во внимание лишь те городские комитеты, где указано конкретное представительство организации, учреждений и общественных групп.

Проведено обследование 19 городских комитетов Черноземного центра. Учитывая представительство городов всех губерний, а также сходную структуру городского населения и общие тенденции общественно-политического развития, можно считать результаты анализа вполне репрезентативными.

Количество членов городских комитетов было различным: от 10 – в Боброве до 61 – в Валуйках и 91 – в Трубачевске. Обычно в комитет входило порядка 30–40 членов.

Всего в этих комитетах было представлено более пятидесяти категорий населения, общественных организации и профессиональных групп. В ряде случаев в состав комитетов включался полностью состав городской управы или все гласные думы. Так было в Новохоперске, Борисоглебске, Севске и др. В городские комитеты традиционно входили представители от врачей, среднего медицинского персонала, лица свободных профессий, ремесленники, почтово-телеграфные служащие и др.

Таким образом, городские исполнительные комитеты состояли из различных категорий городского населения, прежде всего представителей средних городских слоев. Конечно, структура городских комитетов не отражала «зеркальным» способом все городское население, но имела представительство основных профессиональных групп и общественных организаций. Ничтожно малое количество рабочих в исполкомах вполне объяснимо их представительством в структуре городского населения, а также ориентацией на Советы. К тому же многие рабочие проявили пассивность при формировании городских комитетов и гораздо позже организовали свои профессиональные объединения в отличие от учителей, приказчиков, врачей и т. п.

Влияние буржуазных слоев ограничивалось участием гласных городских дум, которые уже не претендовали на руководящее положение в новых органах власти.

Одним из важных направлений развития общественной жизни в городах региона являлось движение за демократизацию земств и городских дум. Применительно к Центральному Черноземью, следует вести речь скорее о пополнении земств и дум демократическим элементом, а также стремлении сузить реальное поле деятельности прежних органов власти. Важно отметить и «неровность», замедленность этого процесса в разных городах. Там, где был слабый городской исполнительный комитет либо сильны позиции комиссара Временного правительства, почти не ощущалось перемен и происходила своего рода «консервация» земств и городских дум.

Орловский комиссар Временного правительства сообщал в МВД, что в городах губернии были предприняты попытки «полно-

го обновления состава местного самоуправления путем чисто революционным – посредством либо немедленной замены всех прежних гласных новым, избранным на основе всеобщей и равной подачи голосов, либо посредством пополнения собрания подцензовым элементом, в числе превышающим число цензовых гласных вдвое и более. Первая тенденция обнаружилась в Трубачевске и Мценске, вторая в Ливнах...» [19, оп. 1, д. 122, л. 2об.]. В Задонске 7 марта 1917 г. 20 гласных городской думы были пополнены 34 представителями демократических элементов: от мещанского общества мелких торговцев, приказчиков, учителей, духовенства, служащих, рабочих и др. [20, оп. 1, д. 2347, л. 24]. Все пополнившие думу получили право решающего голоса. Наиболее драматично события развивались в г. Бобров, где из-за демонстративных проволок земских деятелей по обновлению собрания и управы возмущение жителей города вылилось в открытое противодействие местному самоуправлению. Была отстранена не только городская управа, но и все земское собрание. Население выбрало новых гласных из своей среды. Новым составом был избран председатель земской управы, который стал и комиссаром Временного правительства [19, оп. 1, д. 90, л. 33-34]. Понятно, что сами земские собрания неохотно шли на демократизацию своего состава, а то и вовсе отказывали в ней.

Необходимо иметь в виду, что имелись и земства, сохранившие прежний состав. Такими нереформированными остались в Воронежской губернии земства Богучарского, Землянского, Нижнедевицкого, Новохоперского, Острогожского уездов. Орловское губернское земское собрание не было пополнено демократическим элементом даже к сентябрю 1917 г.

Демократизация земских собраний и городских дум даже в тех случаях, когда она была широкой и полной, не могла реанимировать, придать новое дыхание этим органам власти [21]. Большинство городского населения Черноземного центра относилось с недоверием к учреждениям и организациям старого режима. Более авторитетными и influentialными были городские исполнительные комитеты и Советы, рождение которых происходило на глазах городских жителей, при их деятельном участии.

Демократизация общественно-политической жизни в городах Черноземного центра позволила принять участие в формировании новых органов власти и представителям национальных меньшинств, главным образом беженцев. В марте 1917 г. в городах региона проводятся собрания литовцев, латышей, поляков, мусульман, на которых происходило обсуждение собственных нужд, а также выборы представителей в исполкомы и Советы. Уже 5 марта 1917 г. в Орле в состав Комитета общественной безопасности были включены представители латышского общества [22, оп. 1, д. 1, л. 10об.]. В состав Совета в Воронеже вошли депутаты от польского комитета [23]. В Тамбове местные Совет и исполком пополнились представителями мусульман, евреев, литовцев, латышей [24]. Среди прочих местные органы власти рассматривали и проблемы, волнующие беженцев.

В марте 1917 г. заявило о себе и женское движение. Инициаторами проведения собраний и митингов, посвященных женскому вопросу, являлись чаще всего женщины – служащие городских и общественных учреждений, либо лидеры отделений Союзов равноправия женщин периода 1905–1907 гг. В шести городах региона: Тамбове, Воронеже, Орле, Путивле, Елатье и Козлове – образовались местные организации женщин под названиями женского союза или отделения Лиги равноправных женщин. Посещали собрания, митинги не только представительницы средних слоев города, но и «черная кость», как говорили современники, т. е. работницы предприятий и солдатки.

Члены союзов женского равноправия обращались к Временному правительству и местным органам власти с просьбами допустить женщин к участию в политической жизни, выборах органов власти. Так, Елатомский женский союз направил телеграмму Временному правительству с просьбой допустить женщин на выборы в городской исполнительный комитет [19, оп. 2, д. 144, л. 134]. На телеграмму был получен положительный ответ.

Кроме того, при пополнении городских дум нецензовым элементом в Тамбове, Козлове и других городах принимали участие и женщины [25, с. 129]. Таким образом, одна из задач борьбы женщин за равные с мужчинами избирательные права была осуществле-

на. Надо признать, однако, что получить право избирательное было проще, чем преодолеть недоверчивое отношение к женщине как выборному лицу. Об этом свидетельствует и тот факт, что избранными оказывались все же мужчины. Да и большинство женщин еще не были готовы к равному соперничеству с мужчинами и часто просто не являлись на выборы [26].

На женских митингах и собраниях обсуждался и вопрос о представлении женщинам права участия в выборах в Учредительное собрание. Женщины выступали за равные права и оплату труда в учреждениях, обсуждали положение женщины в обществе, проводили запись в члены своей организации. Члены союзов женского равноправия в городах региона высказывались за поддержку новой власти – Временного правительства. В Орле женщины производили сбор пожертвований для Временного правительства [27].

Таким образом, изучение революционных катаклизмов 1917 г. сквозь призму провинциальной активности позволяет выявить уникальные страницы развития общественно-политической жизни в регионах. Не только столицы определяли векторы развития российской государственности, но и провинциальный социум влиял на общее и особенное, традиционное и новаторское в развитии революционного опыта, вовлекая в революционный водоворот широкие слои населения меняющейся России.

Список литературы

1. Тамбовский край. 1914. 24 июля.
2. Козловская газета. 1914. 22 августа.
3. Журнал Тамбовского уездного земского собрания 14 декабря 1914 г. Тамбов, 1915. С. 9–11.
4. Воронежский уездный земский вестник. 1917. 18 апреля.
5. Козловская газета. 1917. 5 марта.
6. Вестник воронежского земства. 1917. 10 марта.
7. Центр документации новейшей истории Воронежской области. Ф. 5.
8. Курский листок. 1917. 12 марта.
9. Курский край. 1917. 29 марта.
10. Орловская мысль. 1917. 8 марта.
11. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1058.
12. Борисоглебское эхо. 1917. 10 марта.
13. Курск в революции. Сборник материалов. Курск, 1927.

14. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. М., 1990.
15. ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 81.
16. Герасименко Г.А. Общественные исполнительные комитеты 1917 г. в исторической литературе // История СССР. 1987. № 3. С. 104-105.
17. Курская быль. 1917. 7 марта.
18. Воронежский телеграф. 1917. 9 марта.
19. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1788.
20. Государственный архив Воронежской области. Ф. 21.
21. Щербинин П.П. Общественно-политическая активность горожан Черноземного центра в марте 1917 г. // Партии. Парламентаризм. Общество. Сборник статей и материалов: 2 Всероссийская научно-практическая Чичеринская конференция. Вып. 2. Тамбов, 2008.
22. ГАОО. Ф. 594.
23. Воронежский телеграф. 1917. 2 апреля.
24. Тамбовский край. 1917. 10 марта.
25. Щербинин П.П. Влияние войн и революций начала XX в. на развитие общественной инициативы и самодеятельности женщин в городах Черноземного центра (1904–1917 гг.) // Гендерное равноправие в России: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию Первого Всероссийского женского Съезда 1908 г. / под ред. Н.Л. Пушкаревой, М.Г. Муравьевой, Н.В. Навиковой. СПб.: Алетейя, 2008.
26. Козловская газета. 1917. 9 марта.
27. Орловский вестник. 1917. 12 марта.
10. *Orlovskaya mysl* [Orlov thought], 1917, 8 March. (In Russian).
11. *The State Archive of Tambov Region* (GATO). Fund 1058. (In Russian).
12. *Borisoglebskoe echo* [Borisoglebsk echo], 1917, 10 March. (In Russian).
13. *Kursk v revolyutsii. Sbornik materialov* [Kursk in revolution. Digest of materials]. Kursk, 1927. (In Russian).
14. Gerasimenko G.A. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemsky self-government in Russia]. Moscow, 1990. (In Russian).
15. *State Archive of Orlov Region*. Fund 81. (In Russian).
16. Gerasimenko G.A. *Obshchestvennye ispolnitelnye komitety 1917 g. v istoricheskoy literature* [Social Executive Committee of 1917 in historical literature]. *Istoriya SSSR – History of the USSR*, 1987, no. 3, pp. 104-105. (In Russian).
17. *Kurskaya byl* [Kursk authentic history], 1917, 7 March. (In Russian).
18. *Voronezhskiy telegraf* [Voronezh telegraph], 1917. 9 March. (In Russian).
19. *The State Archive of the Russian Federation* (GARF). Fund 1788. (In Russian).
20. *State Archive of Voronezh Region*. Fund 21. (In Russian).
21. Shcherbinin P.P. *Obshchestvenno-politicheskaya aktivnost gorozhan Chernozemnogo tsentra v marte 1917 g.* [Public policy activity of Black-Earth Centre townspeople on March in 1917]. *Partii. Parlamentarizm. Obshchestvo: Sbornik statey i materialov: 2 Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya Chicherinskaya konferentsiya* [Digest of articles and materials of the 2nd All-Russian Chicherinskaya research and application conference]. Tambov, 2008, no. 2. (In Russian).
22. *State Archive of Orlov Region*. Fund 594. (In Russian).
23. *Voronezhskiy telegraf* [Voronezh telegraph], 1917, 2 April. (In Russian).
24. *Tambovskiy kray* [Tambov region], 1917, 10 March. (In Russian).
25. Shcherbinin P.P. *Vliyanie voyn i revolyutsiy nachala XX v. na razvitie obshchestvennoy initsiativy i samodeyatelnosti zhenshchin v gorodakh Chernozemnogo Tsentra (1904–1917 gg.)* [Influence of wars and revolutions in the beginning of XX century on development of women public initiative and self-activity in the cities of Black-Earth Centre]. *Gendernoe ravnopravie v Rossii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo Sezda 1908 goda*. [Proceedings of the International scientific conference dedicated to Anniversary of the 1st All-Russian Women Congress in 1908 “Gender equality in Russia”], eds. N.L. Pushka-

References

1. *Tambovskiy kray* [Tambov region], 1914, 24 July. (In Russian).
2. *Kozlovskaya gazeta* [Kozlovskaya newspaper], 1914, 22 August. (In Russian).
3. *Zhurnal Tambovskogo uездного zemskogo sobraniya 14 dekabrya 1914 g.* [Journal of Tambov uyezd zemsky meeting]. Tambov, 1915, pp. 9-11. (In Russian).
4. *Voronezhskiy uездный zemskiy vestnik* [Voronezh uyezd zemsky bulletin], 1917, 18 April. (In Russian).
5. *Kozlovskaya gazeta* [Kozlov newspaper], 1917, 5 March. (In Russian).
6. *Vestnik voronezhskogo zemstva* [Bulletin of Voronezh Zemstvo], 1917, 10 March. (In Russian).
7. *Documentation Center of Recent History of Voronezh Region*. Fund 5. (In Russian).
8. *Kurskiy listok* [Kursk paper], 1917, 12 March. (In Russian).
9. *Kurskiy kray* [Kursk region], 1917, 29 March. (In Russian).
22. *State Archive of Orlov Region*. Fund 594. (In Russian).
23. *Voronezhskiy telegraf* [Voronezh telegraph], 1917, 2 April. (In Russian).
24. *Tambovskiy kray* [Tambov region], 1917, 10 March. (In Russian).
25. Shcherbinin P.P. *Vliyanie voyn i revolyutsiy nachala XX v. na razvitie obshchestvennoy initsiativy i samodeyatelnosti zhenshchin v gorodakh Chernozemnogo Tsentra (1904–1917 gg.)* [Influence of wars and revolutions in the beginning of XX century on development of women public initiative and self-activity in the cities of Black-Earth Centre]. *Gendernoe ravnopravie v Rossii: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Pervogo Vserossiyskogo zhenskogo Sezda 1908 goda*. [Proceedings of the International scientific conference dedicated to Anniversary of the 1st All-Russian Women Congress in 1908 “Gender equality in Russia”], eds. N.L. Pushka-

- reva, M.G. Muraveva, N.V. Novikova. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2008. (In Russian).
26. *Kozlovskaya gazeta* [Kozlov newspaper], 1917, 9 March. (In Russian).
27. *Orlovskiy vestnik* [Orlov bulletin], 1917, 12 March. (In Russian).

Поступила в редакцию 21.02.2016 г.
Received 21 February 2016

UDC 93/94+03.23

THE REVOLUTIONARY UPHEAVALS IN THE RUSSIAN PROVINCE THROUGH THE PRISM OF THE PUBLIC INITIATIVE

Pavel Petrovich SHCHERBININ

Doctor of History, Professor, Head UNESCO on Human Rights and Democracy Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

The involvement of primary archival documents of the provincial archives that allow to evaluate the extent of public participation and the initiative of towns people of Black-Earth Center during the 1917 revolution is actual. Specific examples and scenarios in the first months of the revolutionary wave in the context of the development of urban self-government and formation of new government are given. The active role of students in secondary special educational institutions in the disarmament of the police and the formation of public sentiment in the cities of the region are clarified. Social and professional status of representatives of local government of a new revolutionary time of interaction and friction with the commissioners of the Provisional Government is defined. The spontaneous and impulsive nature of the formation of social attitudes and representations of the urban population of the Central Black-Earth region in the new government is revealed. Characterization of the reasons for the growth of social tensions and problems of daily life of the urban population of the region during the World War I of 1914–1918, which in its turn contributed to a quick and bloodless victory of the new government, is given. The urban population of the Central Chernozem region was so tired of the hardships of military routine and food supply problems, rising housing prices, the influx of refugees that lime of the fall of the autocracy raised hopes for change for the better. Important factor in wait-and-see tactics the majority of the population of the region in terms of revolutionary upheavals, which is quite understandable reactions to an incomprehensible and fleeting change of the usual lifestyle and everyday life of the average urban word of the Black-Earth Center, is identified. The lack of a coherent opposition activity a new mode is revealed. Monarchical and reactionary groups were not ready for such dramatic changes in provincial society, and their passivity reflects the overall panic mood of the supporters of the old regime. At the same time in the regions there were no attempts of massacres with supporters of the autocracy, but the negative sentiment was expressed only in damage to and destruction of portraits of the Imperial family and symbols of the old power.

Key words: revolutionary events; community initiative; local government; Executive committees; the Provisional government; the middle layers

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-100-108

Информация для цитирования:

Щербинин П.П. Революционные катаклизмы в российской провинции сквозь призму общественной инициативы // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 9 (161). С. 100-108. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-100-108.

Shcherbinin P.P. Revolyutsionnye kataklizmy v rossiyskoy provintsii skvoz' prizmu obshchestvennoy initsiativy [The revolutionary upheavals in the Russian province through the prism of the public initiative]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 9 (161), pp. 100-108. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-9(161)-100-108 (In Russian).